

Перевозчиков И.В., Шпак Л.Ю.

МГУ имени М.В.Ломоносова, НИИ и Музей антропологии,
125009, ул. Моховая, д. 11, Москва, Россия

ПОДВОДЯ ИТОГИ... (ИНТЕРВЬЮ К 80-ЛЕТИЮ И.В. ПЕРЕВОЗЧИКОВА)

Л.Ю. Шпак – Илья Васильевич, как говорят, все мы родом из детства... И поэтому разговор наш с Вами начнём издалека. Из какой Вы семьи? Имели ли Ваши родители отношение к науке? Что в детстве и молодости повлияло на Ваш выбор жизненного пути, профессии?

И.В. Перевозчиков – Родители мои были разночинцы. Отец окончил техникум и был по образованию электриком, работал на строительстве Института физических проблем Петра Леонидовича Капицы. И вот там, на строительных работах, П.Л. Капица и увидел его и ещё несколько человек. Он взял их к себе в личные лаборанты. Со временем все они потом стали начальниками различных технических отделов. Мой отец стал начальником отдела научного оборудования и имел именную печать от Палаты мер и весов, удостоверявшую его право на поверку научного оборудования. Это была очень редкая честь и доверие. При обычной практике приборы приходилось на поверку отвозить в Палату, а там очередь, и это отнимало у ученых значительное время, иногда до нескольких недель. Ученые из других физических институтов (с разрешения Капицы) привозили свои приборы на поверку отцу, и это экономило им массу времени. А моя

мама была внештатным преподавателем английского языка при Министерстве культуры для людей, выезжавших на работу в Англию.

Л.Ю. Шпак – Почему, несмотря на то, что Вы выросли в окружении физиков и техников, Ваш выбор в итоге пал на биологию, антропологию и МГУ?

И.В. Перевозчиков – Во-первых, биология здесь вторична. Я в детстве и молодости очень увлекался чтением различной литературы о путешествиях и путешественниках и этот интерес у меня был постоянный. Моими кумирами были Н. Пржевальский, В. Арсеньев, Д. Ливингстон, Р. Скотт. А второе моё увлечение в молодости был спорт. Поначалу я играл в баскетбол, сначала за нашу школу № 10, мы были чемпионами района. Позже меня взяли в команду мальчиков Московского университета, где я с Университетом познакомился и понял, что это очень хорошее место. Окончив школу, я два года работал техническим фотографом в Капицинском институте. Фотография, можно сказать, меня с тех пор преследовала. Мой первый фотоаппарат мне купили в двенадцать лет и с тех пор я с фотоаппаратом не расстаюсь. Но в институте П.Л. Капицы я выполнял не только фотографические, но и различные технические работы,

поскольку у Капицы было такое правило, что любой сотрудник, независимо от того, был ли он лаборант или академик, обязан был уметь работать на всех станках и делать своими руками всё, что нужно. В то время я много читал. Какие книжки? Во-первых, И. Мечникова «Этюды о природе человека» и «Этюды оптимизма». Во-вторых, я прочитал Ч. Дарвина «Естественный отбор» и «Происхождение человека и половой подбор». А когда мне стало ясно, что цель – это биофак МГУ, Н. Ляпунова дала мне учебник Дорфмана 1938 года по генетике, и я был совершенно очарован законами Г. Менделя. Вот эти книги как раз и «направили» меня на биофак. В шестидесятом, имея два года трудового стажа, я поступил в Университет, экзамены сдал неблестяще (две пятерки, две четверки и тройка по биологии!), но по конкурсу прошёл (стаж!). На экзамене по сочинению (4) на вольную тему, я как раз и написал, что хочу на антропологию, и это был первый раз, когда антропология возникла в моей биографии.

Л.Ю. Шлак – Как проходило Ваше студенчество? Кто были Ваши однокурсники? О чём были Ваши первые научные работы – курсовая и дипломная? Кто из лекторов произвёл на Вас сильное впечатление?

И.В. Перевозчиков – Беззаботная сторона вёсёлого студенчества совершенно прошла мимо меня. На первую лекцию, которую читал Я.Я. Рогинский (Введение в антропологию), мы пришли вдвоем с Наташей Дониной (Халдеевой), на одну из следующих пришел Витя Спицын. Я очень был дружен с однокурсниками с других кафедр: Алешей Гиляровым, Толей Шаталкиным и Витей Грошевым. Со всеми ими дружеские отношения сохранились на всю жизнь.

Из лекторов на биофаке больше всего запомнились два лектора, оба были цитологи-гистологи. Один из них был Г.И. Роскин, тот, который изобрёл круцин (антираковое средство). Он очень живо читал. А второй был Л.Б. Левинсон. Он читал очень строго, очень размеренно и академично, но так была построена лекция, что это не было скучно, а было очень интересно и хорошо запоминалось. Ещё запомнились блестящие семинары Я.А. Берштейна по безпозвоночным и Н.Н. Иорданского – по позвоночным. Ещё хотел бы вспомнить, может это Вас удивит, как нам читал историю партии Н.П. Бармин. Он был очень интересный человек, жёсткий стопроцентный коммунист, участник войны, глаз потерял на войне. Многие его любили и уважали, но и боялись. Он был справедлив, студенты очень чувствительны к этому. От нас он требовал, чтобы мы читали первоисточники.

Из кафедральных этнографий блестяще читал М.Г. Левин. Но интересно, он был «зависим» от числа слушателей. Читал он сразу двум курсам через год. Если мы собирались все, а это было около 15 человек, он читал вдохновенно. Если же мы собира-

лись человек 5-6, то открывал «Краткий курс этнографии» и читал его без комментариев. На лекциях он постоянно курил. Сдать ему экзамен было очень тяжело... Кто ещё? Я.Я. Рогинский читал нам «Введение в антропологию», «Этническую антропологию» и «Спецглавы антропогенеза». Его лекции были скорее похожи на рассуждения на тему, его эрудиция казалась неисчерпаемой. Ему сдать экзамен было очень легко, он нас жалел и четвёрок не ставил.

Моя курсовая была по материалам памирских экспедиций Ю.Г. Рычкова, он же был и руководитель. Я сделал работу по корреляциям по всем признакам головы и лица по всем изученным памирским изолятам. В чём была суть работы? М.В. Игнатъев, учитывая работы К. Пирсона, высказал предположение, что величины внутригрупповых корреляций в изолятах должны снижаться. Он показал этот эффект на материалах Г.Ф. Дебеца по Петровским озерам. Ю.Г. Рычков хотел это проверить и заинтересовал меня. В итоге выяснилось, что в среднем, по всем изученным изолятам действительно величины всех корреляций статистически достоверно снизились примерно на одну десятую. А руководителем моего диплома была Н.Н. Миклашевская и работа была по палеоантропологии Кетмен-Тюбинской долины в Киргизии. Я два года работал в этой экспедиции как антрополог и собрал материал для диплома. Наталия Николаевна была ученицей Г.Ф. Дебеца и многому меня научила в сфере этнической антропологии. Ю.Г. Рычков тоже был в значительной мере учеником Г.Ф. Дебеца. Поэтому я иногда шучу, что по обеим «генеалогическим» линиям я внук Георгия Францевича. Он был моим оппонентом на защите диплома. Кафедру антропологии закончил в 1965 году. После окончания я сразу поступил в аспирантуру, но не доучился, потому что руководство Института антропологии и кафедры, опасаясь, что я не успею защититься в срок, предложили мне освободившееся место фототехника в Институте. И я ушёл на эту ставку – и опять вернулся к фотографии, стал работать фототехником в Институте антропологии, продолжая при этом заниматься кандидатской диссертацией по определению групп крови в ископаемом материале. За рубежом такие работы уже встречались. У нас это было новым направлением и поэтому мне приходилось доходить до всего самому. В обычной технике определения групп крови мне очень помогла М.А. Бронникова и её сотрудники из судебной медицины, я у них прошёл практику. Но для костного материала разработал свою методику и сделал оригинальный прибор для определений. Чем был определен выбор этой темы? Как ни странно, но в некотором роде романтической идеей – в какой-то мере «оживить» древнее население и сравнить его с современным. Это давало возможность популяционного подхода, где речь

шла не об индивидах, а о группах. В работу вошли данные, примерно, по 270 человек, это были всё скифы и сарматы. Удалось доказать простую вещь – до этой работы считалось, что ген В системы ABO появился в Европе из Центральной Азии и Индии по степному коридору. А из моей работы стало ясно, что у скифо-сарматских групп, которые занимали этот коридор, частота этого аллеля была низкой, поэтому появился он в Европе из какого-то другого источника. Я был очень рад, когда эта работа понравилась В.В. Бунаку (собственно, только ему), в своей последней книге, он привёл мои данные, и назвал их «ценные». Я с В.В. Бунаком немного поработал (делал для него расчеты частот генов и рисовал геногеографические карты по результатам Русской экспедиции) и знал, что добиться от него похвалы дорогого стоило.

Л.Ю. Шпак – Помните свою первую публикацию? Своего первого ученика? Свою первую лекцию на биофаке?

И.В. Перевозчиков – Да, моя первая статья была по материалам курсовой работы и была опубликована в сборнике студенческих работ биофака, вот совсем недавно наткнулся на неё, перебирая архивы. Про первого ученика точно ответить сомневаюсь, тут нужно по годам уточнять. Где-то в одно и то же время ко мне пришли А.М. Маурер и А.В. Сухова.

Моя учебная деятельность началась с преподавания антропологической фотографии, которую до меня преподавал Ю.Г. Рычков, и который отдал мне её, убедившись, что я с ней справляюсь. Это была часть большого практикума. Чуть позже М.С. Акимова неожиданно позвонила мне и предложила прочитать несколько лекций по археологии, попросив заменить её на время болезни. И я согласился. Готовился я тогда совершенно отчаянно, ночами. В итоге читал курс три года. Провёл один раз археологическую практику, повёз ребят в Среднюю Азию. Меня туда пригласил Т.К. Ходжайов, мы с ним были знакомы по экспедиции в Киргизии. Что касается общего курса потоковых лекций по антропологии, то в мою бытность их читали Е.Н. Хрисанфова и Ю.Г. Рычков для биологов и Е.Н. Хрисанфова и М.И. Урысон – для психологов. Потом Михаил Исаакович ушел на пенсию и возник вопрос замены. А так как его ставку передали мне, то мне и сказали: «отрабатывай». Вскоре, в силу разных обстоятельств Ю.Г. Рычков отказался от своей части. И тут Е.Н. Хрисанфова предложила мою кандидатуру взамен, в основном потому, что она меня рассматривала как ученика Ю.Г. Рычкова и полагала, что сложившаяся структура курса не претерпит изменений. Позже, в силу разных обстоятельств, от психологов я вынужден был отказаться, и порекомендовал В.Е. Дерябина, а у биологов продолжать читать ещё долго. Параллельно я начал читать курс этнической антропологии 4-му курсу на кафедре. Я.Я. Рогинский передал мне его,

что называется «из рук в руки». Первая лекция, которую я читал в ББА, имела курьёзный оттенок. Это было начало ноября. Погода была совершенно «нелётная» и девять часов утра, первая пара. Я вошёл в аудиторию и увидел перед собой одного студента, затерявшегося где-то в середине рядов. Я спросил: «Антропологию здесь читают?». Студент слабо утвердительно пискнул. К перерыву подтянулось ещё человек десять-пятнадцать, которые разглядывали меня как редкое ископаемое. На вторую лекцию к её началу пришло уже человек сорок (на потоке было около ста двадцати человек).

Когда я закончил преподавание в МГУ, общий преподавательский стаж составил у меня сорок шесть лет.

Л.Ю. Шпак – Существуют ли отправные точки или может быть такие переломные моменты или встречи, которые определяли направление Вашего научного творческого пути?

И.В. Перевозчиков – Я должен прямо сказать, что на меня, в первую очередь, довольно сильно повлиял Ю.Г. Рычков. Не только на меня, конечно, это понятно. Я был его, условно говоря, учеником номер два. Его первый ученик (Дима Бирюков), в антропологии не остался, он ушёл в политику. Вместе со мной рядом или чуть позже были В.А. Спицын и В.А. Шереметьева, такая тройка была. Ю.Г. Рычков тратил на нас массу своего времени, обсуждая те или иные проблемы, к нему можно было прийти фактически в любое время, он никогда не отказывал в разговоре, в обсуждении и очень много мне дал. Есть такое понятие в английском образовательном процессе, *tutor*, для определения человека, который не столько вами руководит, сколько вас формирует, вашу интеллектуальную матрицу. Именно эта сторона деятельности в работе со студентами у Рычкова была блестящая. Но мы старались...

Мне много помогла Н.Н. Миклашевская и не только как прекрасный исследователь проблем этногенеза, но и в практической, деловой помощи. Когда я защищал кандидатскую диссертацию, передо мной администрация поставила вопрос о достоверности моих иммунологических методов. Наталия Николаевна познакомила меня с иммунологом, который согласился выступить как оппонент и благожелательно высказался по иммунологической части работы. Второй случай был связан со следующим обстоятельством. Когда я проходил утверждение своей докторской темы, то на Ученом совете Института раздался голоса, что я не смогу выполнить задуманное, и эти голоса поддерживались администрацией. Но окончательно рассмотрение вопроса было отложено на заседание голосующего совета. По регламенту голосующий совет мог быть собран либо для голосования по защите, либо для заслушивания важного научного доклада. По моей просьбе Л.К. Гудкова представила такой доклад.

Затем я доложил кратко об идее моей работы по метисам. После этого, совершенно неожиданно для меня, выступили Н.Н. Миклашевская и Т.И. Алексеева с поддержкой моей темы и меня как её исполнителя. Голосующий Совет после этого утвердил тему.

Докторскую диссертацию я написал об антропологии метисов и мигрантов. По этой теме было осуществлено 9 экспедиций. Не могу не сказать о тех коллегах, которые ездили со мной. Это были Л.К. Гудкова, А.М. Маурер, А.В. Сухова, Е.И. Балахонова, О.А. Мурашко и Н.И. Кочеткова. Я безгранично благодарен им за самоотверженность и профессионализм. Программы были большие: антропометрия, группы крови, физиологические показатели крови, дерматоглифика, отдельные психофизиологические тесты, генеалогии, антропологическая фотография. До нас по такой комплексной программе ни одна популяция метисов в мире не была обследована. Сама тема для антропологии была не нова. Одна из первых антропологических работ «Метисация в человеческом роде» была сделана П. Брока еще в конце XIX века. У меня интерес к ней возник по нескольким соображениям. Черепа «кенкольцев» моего диплома были явно метисированы. Метисными группами (древними и современными) «пестрит» вся зона между Волгой и Енисеем. Но, по крайней мере, часть их причисляется к так называемым «недифференцированным» вариантам. Известная полемика В.В. Бунака и Г.Ф. Дебеца, с моей точки зрения, могла быть решена, когда мы будем знать, что реально происходит при метисации с различными системами признаков. Нулевая гипотеза гласила, что метисы занимают среднее положение между популяциями донорами. При обычных обследованиях антропологов в то время интересовали люди, у которых предки были одного происхождения. Чаще всего метисы либо не обследовались, либо при обработке полевых материалов бланки по метисам не включались в обработку.

При изучении метисных популяций хакасов, камчадалов и киргизов обнаружено значительное совпадение оценок смешения по антропологическим, генеалогическим и демографическим данным. Выяснилось, что для подобных оценок количественные признаки столь же информативны как и генетические маркеры. Это подтвердило ценность традиционных антропологических признаков как исторических источников при изучении проблем этногенеза и, соответственно, объяснило устойчивость классификаций, построенных на традиционных признаках. До этого данная проблема рассматривалась как теоретическая, как задача вероятностного распределения индивидуальных мер смешанности, и считалось, что количественное решение практически не достижимо из-за невозможности собрать полные генеалогии,

начиная с первого поколения смешения. Выяснилось, что в смешанных по происхождению популяциях даже в отдаленных от начала смешения поколениях, могут появляться индивиды с мозаичным сочетанием признаков исходных родительских групп. Данный количественный вывод даёт возможность по новому рассмотреть некоторые проблемы расогенеза и антропогенеза и в известной мере снимает длительно существующий вопрос о методах различения метисных групп от так называемых «недифференцированных». Изучение величины «генного потока» в группах камчадалов и хакасов подтвердило уже имеющиеся данные популяционной генетики человека о том, что в среднем коэффициент дальней миграции примерно равен двум процентам, а коэффициент ближней миграции – около десяти процентов.

Л.Ю. Шпак – Ваша любовь к путешественникам и путешествиям и большое количество экспедиций с Вашим участием. Сколько всего экспедиций у Вас было? Из них были ли какие то особенно памятные?

И.В. Перевозчиков – Штук тридцать. Примерно в двадцати экспедициях я был руководителем. Географически это были: Кольский полуостров, почти всё течение Енисея от Таймыра до Саян, Средняя Азия (раз пять-шесть), Алтай-Саяны, Камчатка, Чукотка, Сахалин. На Кавказе не был. Все экспедиции были по-своему запоминающимися. Когда я был ещё студентом 4-го курса и поехал во второй раз в Киргизию на археологические раскопки, куда меня Н.Н. Миклашевская «сосватала», там был момент, который я до сих пор хорошо помню. Я прилетел во Фрунзе, встретился с руководителем экспедиции (И. Кожомбердиев). Он мне сказал, что археологи еще не приехали, самолет зафрахтован, рабочие, ребята девятиклассники, готовы, экспедиционные машины с грузом уже на месте в районе центра, и «бери руководство на себя и выезжай на раскоп». Назавтра мы вылетели на место. Всего человек сорок. Прилетели мы в долину Кетмень-Тюбе, в местный районный центр, на следующий день поехали на раскоп. Копали курганную культуру I-IV века нашей эры, называлась она «кенкольская». Две машины груженные, лопаты, палатки там, два шофёра, повар Абдула, я его уже знал, и вот ребята. С утра пораньше сели, я сидел в головной машине, и поехали. Девятиклассникам (между прочим, почти все они были русские), конечно, было весело, они песни пели. А я еду, вижу эти выжженные холмы, все-таки было уже начало июля, едем, дорога, пыль... И вот тут я ощутил, что я счастлив... Я до сих пор помню это чувство... Я знал, что по этим местам проходили Н.М. Пржевальский, В.А. Обручев, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, и теперь я, студент 4-го курса кафедры антропологии МГУ. И я отвечаю за все: разбивка лагеря, питание и здоровье людей, выбор курганов для раскопок,

дисциплину. Я был на очень сильном эмоциональном подъёме.

Л.Ю. Шпак – Ваш учебник антропологии выдержал несколько изданий и по-прежнему интересен и актуален для студентов. Сегодня физическая антропология испытывает большое междисциплинарное взаимодействие, в первую очередь, с генетикой, биоархеологией. Каким будет на Ваш взгляд учебник антропологии в будущем, в какую сторону развернутся основные акценты?

И.В. Перевозчиков – Антропология родилась как междисциплинарная наука и в этом её сила. Но по закону Архимеда всякая сила рождает противодействующую силу. Центростремительным тенденциям противостоят центробежные. Сила антропологии в изучении нормальной изменчивости морфофизиологии популяций, которая служит точкой отсчёта для многих других наук о человеке. Что такое здоровье, что такое адаптация, есть ли корреляция между морфо- и психотипами (вспомним о вековых типах характера Я.Я. Рогинского).

Предсказывать всегда трудно и это довольно неблагоприятное занятие, но в классической антропологии довольно долго ещё будет держаться направление, связанное с ископаемым историческим материалом. Потому что всегда есть спрос у общества на свою историю, этногенез. И здесь антропологи, наравне, конечно, с историками, археологами, этнографами имеют своё слово. Долго будет ещё держаться палеоантропология, направление, связанное с эволюцией человека, хотя генетики сейчас стараются подменить нас по обоим проблемам. Безусловно, генетические достижения впечатляют. Но фенотип немаловажный объект изучения, все-таки он стоит между внешним миром и наследственностью. Он олицетворяет взаимодействие всех систем организма, всех иерархических уровней. В силу этого он труден для расшифровки, слишком много степеней свободы. Но это не означает, что фенотип не надо изучать или он бесполезен с точки зрения информации. Приведу пример из недавнего прошлого. На Международной конференции по популяционной генетике, посвященной 100-летию этой отрасли общей генетики, я с интересом наблюдал за реакцией известных специалистов генетиков на два антропологических доклада. Е.З. Година рассказала об эволюции отдельных морфологических признаков у *H. Sapiens* и Л.Ю. Шпак – о физическом типе этрусков, восстановленного по их изображениям. Оба доклада были выслушаны с большим интересом. Мне было ясно, что эти мастера биохимии, которые три дня говорили на своем ДНК-языке, в том числе о миграциях и метисации у населения Земли, вдруг увидели облик этого населения и услышали о морфологической эволюции. Я порадовался за своих коллег и антропологию в целом.

Л.Ю. Шпак – Илья Васильевич, Вы рассказали о двух своих научных темах, связанных с диссертационными исследованиями. Расскажите о других своих научных проектах, которыми Вы занимались.

И.В. Перевозчиков – У меня были четыре проекта, которые выполнялись в сотрудничестве с моими коллегами. Самым длительным моим проектом были работы по созданию обобщённых фотопортретов. Они были начаты, когда я был на втором курсе и продолжаются до сих пор. Уже работая в Институте антропологии, я сотрудничал по этой теме некоторое время с О.М. Павловским. Сейчас этот метод довольно распространен, а когда я начинал, он был новшеством для отечественной антропологии, если не считать небольшую работу Е. Чепурковского в 1920-х годах. Да и за рубежом было всего несколько работ по этой теме. Более того, в «Антропометрии» В.В. Бунака, в отношении этого метода была высказана критика. Впоследствии, мы с А.М. Маурером выяснили происхождение этого заблуждения, которое было связано с неправильным переводом нескольких английских фраз из основополагающей статьи Ф. Гальтона, создателя метода. Этот метод был развит А.М. Маурером в его кандидатской диссертации, в которой были проделаны различные контрольные технические работы с целью интерпретации «обобщённого» изображения. Всё это направление отражено в большом количестве публикаций. В процессе работы А.М. Маурером было показано, что обобщённые изображения лица имеют свойство робастности, то есть изображение после накопления тридцати-сорока индивидуальных портретов мало изменяется и уже практически не зависит от дальнейшего накопления, изменения порядка этого накопления и замене одних изображений другими. Им впервые был составлен по возрастной обобщённый портрет от 10 до 75 лет, который дал очень ясное представление об онтогенетических особенностях лица. Им также было подтверждено наблюдение Ф. Гальтона о том, что обобщённые портреты по любым выборкам воспринимаются как красивые. Это свойство обобщённого портрета указывает на то, что в процессе его формирования исчезает асимметрия лиц отдельных индивидов, и это один из примеров нивелирования флуктуирующей асимметрии.

Вместе с А.В. Суховой мы разработали методы определения обонятельной чувствительности, и с помощью этих методов была охарактеризована обонятельная чувствительность во многих популяциях Северной Евразии (около двух тысяч человек). Подобная работа впервые была проведена в нашей стране, а по объёму обследованного населения она превосходила зарубежные аналоги. Было выяснено, что распределение порогов обонятельной чувствительности существенно отличается от нормального и близкого к таковому вкусовой чувствительности к фенилтиокарбониду. Было обнаружено

различие в частоте специфических аносмиков между различными популяциями европеоидов и монголоидов. Показана связь пороговой обонятельной чувствительности с показателями полового созревания детей и подростков. Субъективное отношение людей к запахам, выраженное в категориях ответов «приятный», «неприятный» и «неопределённый», можно считать биологически обусловленным и мало зависящим от социальных условий и индивидуального опыта.

Совместно с Е.И. Балахоновой мы повторили работы американских исследователей Р. Фриш и Рэвелли по определению так называемого «критического веса» у женщин в связи с репродуктивной функцией. Предпосылкой для данного исследования послужила дискуссия в научной литературе об универсальности этой гипотезы. На основе изучения выборок детей из разных популяций (русские, американки, хакаски) показано, что гипотеза американских исследователей, возможно, имеет универсальное значение. Также Е.И. Балахоновой был определён ещё один этап изменения соотношения водной и жировой составляющей тела в 10-11-летнем возрасте, то есть до момента начала полового созревания. Ещё один проект заключался в разработке антропологических методов идентификации с судебно-медицинскими целями для Министерства обороны. По заказу военных судебных медиков мною, совместно с Е.Л. Воронцовой были разработаны методы определения расового типа для территории Северной Евразии по различным морфологическим признакам. Все результаты работы существуют в рукописном виде и никогда не публиковались.

Одна из работ была проведена мною по длительно существующей проблеме, связанной с этногенезом восточных славян. Суть её заключалась в популяционном подходе к анализу краниологических материалов славян X–XIII вв. н.э. Эти проблемы широко известны, но я полагал, что можно пролить на них свет, применив одновременно большой набор статистических методов. Одним из главных выводов этой работы было то, что при очень большой индивидуальной изменчивости в целом по восточным славянам, различия между отдельными племенами-группами были незначительными.

Последнее десятилетие я увлёкся проблемой этногенеза народов Европы. Основным материалом были выбраны различного вида художественные произведения – живописные портреты, скульптура и др. Эти материалы можно считать традиционными в антропологии и они применялись при изучении этногенеза той или иной территории или эпохи. Особенностью нашей работы является то, что мы применяем не типологический индивидуальный метод, а популяционный. При антропологическом изучении древних народов по материалам изобразительного искусства совместно с К.Э. Локк, М.О. Вергелес,

Л.Ю. Шпак нам удалось получить антропологические характеристики некоторых групп средневековья и начала нового времени России, Голландии, Германии, Италии. Полученный опыт был использован Л.Ю. Шпак и мною для характеристики населения фаюмского оазиса I–IV веков н.э. и некоторых групп античного населения I тысячелетия до н.э. Средиземноморья. Эти работы продолжаются.

Шпак Л.Ю. – Илья Васильевич, какой вопрос ожидали, но он так и не прозвучал?

И.В. Перевозчиков – Да, ещё Вы меня не спросили по поводу моей общественной жизни. Жизнь общественная у меня началась опять со спорта. В девятом классе я был награждён почётной грамотой лучшего физорга школы. В школе одно время я был даже комсоргом класса. Уже, будучи в Институте антропологии, вместе с О.П. Павловским (он очень хорошо рисовал) был редактором стенной газеты. Один год я как-то был в местком.

Л.Ю. Шпак Илья Васильевич, Вы достаточно попутешествовали по миру, много где побывали. Вас можно назвать путешественником. Куда-то хочется вернуться вновь? Что ещё хотелось бы увидеть?

И.В. Перевозчиков – Нет, вернуться в былые места не хочу. Боюсь, что я разочаруюсь, лучше оставить это в памяти как сновидение. Я не хочу видеть горянок Западного Памира в джинсовых костюмах, как я это видел в современном документальном фильме. Если бы у меня была возможность, я обязательно съездил бы в Новую Зеландию, так как меня очень интересуют маори. Хорошо бы посмотреть Монголию.

Л.Ю. Шпак – В домашней жизни Вы окружены профессиональными музыкантами. Какое место в Вашей жизни занимает музыка, и не было ли желания овладеть каким-либо музыкальным инструментом?

И.В. Перевозчиков – Музыкально я не одарен, к моему большому сожалению. Я слушатель и некоторые музыкальные произведения производят на меня сильное впечатление, но каких-либо предпочтений у меня нет. Более того если и были, то с возрастом они изменялись. В какой-то мере у меня к музыке утилитарное отношение. Я бы его назвал обывательским, и оно зависит от моего сиюминутного состояния. Но чаще всего я ишу в музыке отвлечение от обыденности и однообразия впечатлений, но иногда и от перегрузки образами. Я.Я. Рогинский это очень точно описал в противопоставлении функций «искусства образа» и «искусства ритма».

Коллектив сотрудников, студентов и аспирантов желают И.В. Перевозчикову творческих успехов и новых научных свершений!

**ИЗ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ
ЛЮДМИЛЫ КОНСТАНТИНОВНЫ ГУДКОВОЙ И
ИЛЬИ ВАСИЛЬЕВИЧА ПЕРЕВОЗЧИКОВА**

